

УЖЕ несколько лет Россия как-то существует без Плисецкой, Плисецкая - без России. Мы встречаемся по случаю и расстаемся на неопределенный срок. Но каждая новая встреча - всегда событие, и каждая новая разлука - беда. Для России, по крайней мере, это безусловно так. И в беседе с Майей Михайловной, которая состоялась в редакции перед самым Новым годом и перед очередным отъездом Плисецкой, мы не стали этого скрывать.

- Майя Михайловна, давайте не будем говорить о танцах...

- Давайте. Тем более что это бесполезно - говорить о танцах. Их все равно невозможно описать словами.

- ...Давайте говорить о вас, о нас, о жизни. Наверное, жизнь описать легче, чем танец. Вам, по крайней мере, это в вашей книге сделать удалось вполне, и нет ничего удивительного в том, что она вышла уже четвертым изданием, и это издание, вероятно, будет не последним. Там же не только про балет, там вообще, по сути, не про балет. Вы написали очень открывающую книгу про свою жизнь, и не пожалели ни семью, ни друзей, ни Большой театр...

- Добавлю: ни себя. Но это же все правда. Кому нужна ложь? По-моему, теперь она вообще никому не нужна, хватит. И если бы я писала эту книгу сегодня, все оценки остались бы прежними, уверяю вас.

"Я не хочу на страницах рассказа о своей жизни ни с кем сводить счеты. Но кивать на козлы неких безымянных недоброжелателей я не буду. У каждого была фамилия, имя, чинное кресло".

"Я, Майя Плисецкая...", с. 110

- Но сегодня Раиса Максимовна Горбачева уже не в состоянии никого казнить и миловать, и Григорович, о котором вы высказываетесь так резко, уже ушел из Большого театра... Вам теперь его не жалко?

- А за что его жалеть?..

- Не остыли еще?

- Я никогда не остыну. Может быть, это снова будет слишком резко, но что делать, пусть будет. Сталин, как известно, вообще давно умер. И Гитлер умер. Но мне их все равно не жалко. Я не прощаю Сталину ни смерть моего отца, ни искалеченную жизнь моей матери, ни остальных миллионы смертей и искалеченных жизней. Я не прощаю Гитлеру войну. И я не понимаю, почему это надо прощать?.. И за что, объясните мне, жалеть Григоровича? Он тридцать лет был у власти, он делал в Большом театре все, что хотел, он не давал больше никому и ничего делать, он все под себя подмял - за что его жалеть?.. Он сделал - на мой вкус - только два балета первого класса - "Легенду о любви" и "Каменный цветок". Все остальное время - после этого - он топтался на месте, а значит, шел назад. И не один, не сам по себе, а таясь за собой весь Большой театр, прекрасных артистов, хороших людей... В искусстве, если человек сам ничего не может сделать, - это трагедия. Если же он при этом другим делать ничего не дает - это преступление. И за что его теперь жалеть? За то, что он в конце концов ушел? Но разве должность художественного руководителя - это пожизненная должность?.. Разве он - король, который имеет право до смерти оставаться на троне?..

- Но вы же - королева!

- Что ж, спасибо, что вы так считаете. Но это не должность...

- И как вы, королева балета, которой как "сладкой пилулей" угощали королей разных стран, дабы усладить их взор,

считаете: они отличаются чем-то от простых смертных? Может быть, особой какой-то статурой, манерой, пластикой?

- Я действительно много видела королев, но среди них мне очень редко доводилось видеть по-настоящему пластичных. Для меня пластика - это очень важно, это, может быть, самое важное, что есть в человеке, что выдает его с головой: пластика, жест. Это я свидетельствую и как балерина, и как человек, который ни на каком другом языке, кроме русского, объясняться так и не научился. Для меня, чтобы хоть как-то понять происходящее, единственным спасением было следить за человеком, за его жестами... И иногда бывало так, что королева мне что-то говорила, а я смотрела

- Вы до сих пор не знаете ответа?

- Теперь, может быть, знаю. Теперь, когда можно просто уехать, - я могу уехать. Но тогда, когда можно было только бежать, - я не могла бежать.

- Это больше похоже на правду, чем то, что вы просто боялись. Вообще невозможно поверить, что вы в жизни чего-то боялись. Признайтесь, перед премьерами, скажем, вы боялись?

- Нет. Перед премьерами я никогда не боялась. И понятие "мандраж", когда холодный пот льется и колени подкашиваются, мне совершенно не знакомо. Я волновалась, конечно, - мы же не мертвые, - но я всегда ждала, когда выйду на сцену. Я там чувствовала себя лучше,

ее авторы пригласили Володю Левашова, 41-го года выпуска. И он сказал: "Плисецкая?.. Она была с леньой..." Это впервые так обо мне сказали. Но это правда. Я не люблю репетиций и придумываю для себя даже разнообразные оправдания. Например, говорю себе, что это инстинкт самосохранения у меня срабатывает, что если я выложусь на репетиции, то плохо станцую премьеру. На самом деле у меня, может быть, от этого все премьеры были обычно хуже, чем какой-нибудь десятый или двадцатый спектакль, когда все наконец доходит. Или, например, объясняю себе, что во время репетиций увеличиваются шансы повредить себя, испортить ноги. Но это тоже неправда. Потому

На них пятая позиция производит впечатление. А на непосвященного зрителя производит впечатление только чудо. Если оно присутствует в спектакле - ему нравится. Если нет - ему скучно. И, как правило, такой зритель все чувствует абсолютно точно. Кто-то сказал: приведи варвара в картинную галерею - и он ткнет пальцем в шедевр. Не промахнется. И еще люди любят понимать, про что танец. Моя домработница Катя, которая в балете не понимала ни-че-го, обожала только "Кармен-сюиту". Она говорила, что это единственный балет, в котором она понимает, что происходит, кто кого любит и за что убивают...

- Майя Михайловна, давайте вернемся к Большому театру. Григорович ушел. Как вы считаете, стало лучше?

- ...Нет. Я так не считаю.

- Что вы можете сделать, чтобы стало лучше?

- Я?..

- Да, вы. Вы, российская гражданка, вы, гениальная балерина, вы, русский хореограф, которого - впервые за всю историю Новогодних венских балов! - приглашают ставить балет на вальсы Штрауса, тогда как до этого все время предпочитали обходиться своими, венскими силами... Вы, у которой громадный авторитет, опыт, сила, ум... Вы оставите свою альма-матер на произвол судьбы?.. Пусть будет, как будет, вам - все равно?

- Мне - не все равно. Но что я реально могу?.. Сказать только то, что я говорила уже не один раз?.. Что художественным руководителем Большого театра не должен быть человек, искушенный желанием ставить спектакли?.. Что руководителем Большого не должен быть хореограф, поскольку эти должности совмещать нельзя?.. Что до тех пор, пока там все продолжается так, как продолжается, то и будет так, как есть?.. Что я еще могу сделать?..

- Вы можете следующий Новогодний бал поставить не в Вене, а в Москве?

- Могу, наверное. Если меня пригласят - не в Вену, а в Москву. Но пока приглашают в Вену.

Р. С. Уже в наступившем году по телефону из Мюнхена Майя Михайловна рассказала: Новогодний венский бал прошел прекрасно, два ее балета имели настоящий успех, и никто из танцоров не упал на мраморной лестнице венского замка, такой скользкой, что на пуанты пришлось клеить резину, чтобы устоять на ногах. Первого января в зале Венской филармонии музыкальное действо наблюдали счастливики, приобретшие билеты за две тысячи долларов. Во всем мире - еще полтора миллиарда людей. Говорят, трансляция Венского бала - вторая по рейтингу мировых телепрограмм. Первая - поздравление Папы Римского с Рождеством. Среди 43 телекомпаний, купивших право трансляции, России не оказалось. Поверим на слово, в Вене в этот Новый год все было хорошо...

Она, Майя Плисецкая...

на нее и думала: "Боже мой, неужели это настоящая королева?!" Трудно в это поверить, когда перед тобой стоит какая-то тумба, к тому же еще и безвкусно одетая... На сцене, играя королей, мы их сильно идеализировали, увы. А из встреченных мною особ по-королевски держаться умели немногие. Мне очень нравилась Жаклин Кеннеди. Вот в ней что-то было, она чудно держалась. Чутко. И лицом она мне чем-то напоминала газель: глаза у нее были удивительные, широко расставленные... Королевский лик был у Ингрид Бергман. По-королевски двигалась, показывая своим юным моделям настоящий класс, восьмидесятилетняя Коко Шанель... Раньше я думала, что все дело только в породе: королевская порода - королевская статья. Теперь я понимаю, что прежде всего дело в личности. Есть она - есть движение, осанка, поступь, взгляд. Нет ее - и ничего нет, и научить нельзя.

- Кажется, именно Бергман убеждала вас когда-то остаться на Западе?

- И Бергман, и Лифарь, и вся моя жизнь полутюремная, когда шесть лет ни-ку-да не выпускали, ни на одни гастроли, слежка двигалась за мной по пятам по всем улицам Москвы, и я всерьез думала о самоубийстве, и вся вообще наша общая жизнь, которая тогда была, она сама убеждала: оставайся! Потом я чуть ли не в каждом интервью отвечала на вопрос, почему не осталась. В книге своей целую главу написала, которая так и называется - "Почему я не осталась на Западе", все причины старательно там перечислила: да, я боялась, что меня просто убьют на этом Западе родные органы. Да, я боялась, что что-нибудь сделаю с моими родными, близкими, друзьями, которые останутся, что я просто подведу людей, которые мне поверили и меня выпустили. Да, я боялась, что Щедрин не сможет так легко, как я, прижиться на чужой почве. Да, я боялась, что нигде в мире нет больше такой фантастически прекрасной сцены, как в Большом, - я боялась остаться без этой сцены навсегда...

"Ответила ли я вам на вынесенный в название главы вопрос (почему я не осталась на Западе)?"
Себе - нет..."

"Я, Майя Плисецкая...", с. 308

Фото Геннадия Усоева

чем в жизни. В жизни меня временами охватывало странное ощущение ненужности, необязательности происходящего, как бывает иногда в скучных гостях. На сцене этого никогда не возникало.

- Многие актрисы (хорошие, между прочим, актрисы) жалуются, что для них каждый выход на сцену - как выход на казнь...

- Да, я тоже как-то читала интервью, в котором одна старая европейская балерина признавалась, как она всю жизнь мучалась. И я подумала: "А зачем же было так себя мучать-то?! Зачем этим заниматься, если это так тяжело?!"

- Но разве быть балериной легко?!

- Не знаю. Я только репетировать всю жизнь не любила. Мне было просто лень. Я же, в общем-то изрядная лентяйка...

- Извините, Майя Михайловна, но это тоже сложно поверить.

- И тем не менее. Не верите мне - поверьте моим одноклассникам по балетной школе, моим партнерам. Как-то была передача по телевизору,

мэр Марселя Гастон Дессер, Ролан отвел меня в сторону и попросил: "Не ленитесь сегодня, Майя, мэру ничего не известно про обычаи русской школы..."

"Сколько спрашивали за жизнь, каков ваш режим, ваше расписание в день спектакля. Да вот такой - генеральная, час на отдых, заморозка (укол хлорэтила, страхующий от боли в связках, суставах. - Прим. ред.). Но не всегда, конечно, так. Пожалуйста, не пугайтесь. Только раз в пятьдесят лет - это уж точно бывает..."

"Я, Майя Плисецкая...", с. 482

- Вам рукоплескал весь мир. Чье мнение, чья похвала, чей восторг были для вас наиболее важны, приятны, ценны?

- Мое собственное мнение... Мнение Щедрина. И, знаете, наверное, мнение человека, который впервые пришел смотреть балет, который не знает, что такое фуэте, вторая позиция, пятая позиция... Профессиональные критики, как правило, не смотрят балет. Они смотрят, стоишь ли ты в пятой позиции.